

Глава 3

Древнеисландское общество по родовым сагам

И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без... жандармов и полицейских, без дворян... наместников, префектов... без тюрем... все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются <...> Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель.

Фридрих Энгельс.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Дай мне какойнибудь полезный совет, говорит Гуннар.

Отчего же, дам, говорит Ньяль, никогда не убивай более одного человека из одного и того же рода и ни когда не нарушай мира, что добрые люди заключили меж тобой и твоими противниками.

«Сага о Ньяле», гл. 55

3.1. Постановка проблемы

Существеннейшая черта культуры архаического общества — дописьменный, устный характер передачи информации и, следовательно, всей традиционной культуры.

В эпическом сказительстве устный характер передачи диктовал необходимость использования варьирующихся согласно поэтике единиц устного языка сказителя т.н. формул для возможности свободной импровизации внутри известных слушателям тем. Как правило, это делалось под ритмичный аккомпанемент музыкального инструмента.

Рассказы о предках и их деяниях, передававшиеся от очевидцев событий от поколения к поколению и затем зафиксированные

письменно, — это исландские родовые саги. В арабской традиции наблюдается полная аналогия такого способа передачи рассказа о древних, причем письменный фиксатор перечисляет персоналии — очевидца событий и цепь передатчиков, которых фиксатор исландской саги не отмечает. Однако сам тематический характер саг, состоящий из сочных рассказов о живых людях, позволяют предположить, что и здесь мы имеем дело с подобным характером устной передачи информации.

В главе на материале исландских родовых саг будут показаны традиционные формы взаимодействия присущих древнескандинавскому обществу коллективов родичей — патрилокальных расширенных семей, ведущих наследственное хозяйство — одаль. Следует рассмотреть обычай кровной мести и его влияние на психологию исландцев, а также важнейший институт урегулирования родовых тяжб — народное собрание (тинг) и порядок его проведения.

Автор стремится преодолеть односторонний взгляд на древнеисландское общество, рассматриваемое обычно только как совокупность статичных структурных единиц — расширенных семей с наследственными хозяйствами (одалями), взаимодействие которых не рассматривается подробно. Также следует отметить, что я категорически против романтизации «родового общества» [Ольгейрсон 1957: 47–50, 91–95, 110–113, 115–130, 162–179, 209–235] или попыток видеть в Исландии X–XI столетий черты современного общества, например разделение законодательной и судебной власти [Larusson 1966: 123–126; Larusson 1956: 136–137].

Общая типичная динамика развития распри коллективов родичей, привлекающих на народное собрание своих сторонников, влиятельных людей — годи и богатых бондов, четко показана в новой книге Уильяма Шорта, посвященной людям саг — исландцам эпохи викингов, преимущественно по небольшой, однако самой известной саге Восточной Четверти — «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра» [Short 2010: 46–48]. Чрезвычайно простой и ясный сюжет и небольшое количество действующих лиц в «Саге

о Хравнкеле» позволяют проследить главное в развитии распри коллективов родичей, так сказать, скелет распри (споры касательно времени создания саги и правомерности ее использования в качестве исторического источника см.: [Nordal 1958; Scovazzi 1960; Halldórsson 1976]).

В этой саге рассказывается о том, что в середине X столетия один хозяйственный и могущественный годи Восточной Четверти, жрец Фрейра Хравнкель, который никогда никому не платил виры и предпочитал решать конфликты на поединках (*ójafnaðarmaðr* — «заносчивый человек, беспредельщик»), убил своего работника Эйнара, сына Торбьёрна, за то, что тот, несмотря на предупреждение, проехался на табуированном, посвященном богу плодородия Фрейру коне по имени Фрейфакси.

Родичи убитого, его отец Торбьёрн и его племянник Сам, смогли на альтинге получить поддержку двух годи из Западных фьордов, которые взялись вести это дело.

На альтинге могущественный годи Хравнкель был объявлен вне закона («лесным человеком»). Таким образом, кто угодно и прежде всего родичи убитого, получили право легально вершить над ним самую жестокую расправу. Решение альтинга в «Саге о Хравнкеле», осудившего сильного вождя-жреца за убийство бедного работника, даже совершившего осквернение дохристианского сакрального животного, прекрасно характеризует эгалитарный в правовом смысле характер древнескандинавского общества.

Отряд, состоящий из сторонников кровников Хравнкеля — Сама, Торбьёрна и тинговых людей их союзников, годи из Западных фьордов, неожиданно нападает на хутор Хравнкеля. Осужденный альтингом годи подвергается истязанию — его вешают на балке в сарае, проколов сухожилия. Годи советуют Саму и Торбьёрну убить Хравнкеля, но Сам щадит своего кровного врага, конфискуя в свою пользу недвижимое и движимое имущество Хравнкеля и изгоняя его из долины.

Практичный и оборотистый Хравнкель вскоре добивается процветания и влияния на новом месте. Несколько лет спустя по наущению служанки он мстит, убивая брата Сама Эйвинда, кото-

рый долгое время находился за пределами Исландии и, соответственно, не принимал участия в распре. Однако убийство этого, по словам подстрекательницы, «видного (или хорошего) человека», который при этом являлся родичем кровного врага, вполне соответствовало этике древнескандинавского общества родичей, так как субъектами права тут выступали вовсе не личности, а враждебные друг другу коллективы родичей.

После этого Хравнкель захватывает Сама на его хуторе, но не убивает его, а возвращает в то же скромное имущественное и социальное положение, которое было до распри, — Хравнкель дает Саму его прежний хутор Дом Игрищ. Таким образом, сага вполне реалистично рисует как правовое равенство исландцев X в., так и фактический выигрыш, который приобретал статус годи (тем более что успеху способствовали неординарные личные качества годи Хравнкеля и легкомыслие недалекого Сама, который не внял предостережениям и, захватив в свое время одаль Хравнкеля, стал жить там в свое удовольствие «на широкую ногу») [Исландские саги. Ирландский эпос 1973: 138–162].

Уильям Шорт следующим образом весьма удачно описывает динамику серьезной распри коллективов родичей, которая показана в родовых сагах часто как разрастающаяся до масштабов крупного социального конфликта, проявляющегося на тинге, где судьи-арбитры стремятся урегулировать распрю преимущественно выплатой возмещения коллективу родичей убитого, которую был обязан выплатить убийца:

«In the cases recorded in the sagas, it was more likely that the settlement was rejected, leading to heated words, then insults and other words meant to dishonor. The disagreement often escalated to minor violence, to seizure and destruction of property, and then to injuries and killing.

As the disagreement grew in scope, men sought the support of others to help them in the struggle, bringing larger groups of men in to the feud. The allies might be family members or neighbors, but typically, support of more powerful people was sought. As a result, the hostilities moved up the social scale.

A farmer having a disagreement with a neighboring farmer might ask his *goði* to serve as his advocate. The *goði* rounded up men to support him, forcing the other farmer to go to his *goði* to do the same, bringing more and more people in to the struggle. One *goði* might ask other *goðar* for support, forcing the *goði* on the other side of the dispute to follow suit, further escalating the magnitude of the conflict.

When the conflict reached the stage where it threatened the order of the society, it was halted, typically by the intervention of third parties who had links to both sides of the dispute, but who were not necessarily related by kinship.

Usually, the two parties entered into some form of arbitration. Advocates might broker an arrangement, seeking to balance the loss of life, loss of property, and loss of honor. Advocates could force the two parties to come together by threatening to upset the balance of power, either by withdrawing support from one side, or by throwing support to the other side. The threatened change in balance could force the two conflicting parties into negotiations.

Occasionally, the solution was a duel between the leading men on each side of the feud. More often, the solution was a duel between the leading men on each side of the feud. Often, the solution involved payments of tangibles (such as silver) or intangibles (such as *goðorð* or similar authority). Solutions also involved sentences of outlawry. Since it was necessary that the solution stick in the absence of any police force or authority, the resolution of a feud sometimes included a re-arrangement of family ties, such as marriages, or the exchange of foster-children, to bind the two sides together.

The formal court system of Iceland usually did not provide the function of halting the feud. Rather, the courts were often used as a way to escalate the feud as one side forced a legal judgment upon the other. Court cases were sometimes used as a way to search for a settlement, rather than forming the basis of the settlement.

The state in saga-age Iceland was based on a delicate balance between moderation, on one hand, and aggression, on the other. Icelanders differed from other feuding societies in world history in that Icelanders were much more willing to find a compromise. Prolonged violence was not economically feasible; Iceland was a farming society, not a military society.

In addition, Icelandic society had many affinity groups, which could limit the size of the feud. There existed kin groups, *goðar-þingmenn*

groups, and other friendship groups. As a feud grew, individuals might easily find themselves with conflicting loyalties because they belonged to groups having loyalties on both sides of the feud. When the feud grew too large, some people might be forced to switch sides or withdraw support from the feud.

When large groups assembled for combat during a feud, it usually signaled consensus — that violence had escalated to the level where it was time to reach a settlement” [Short 2010: 47–48].

Общая динамика стереотипной родовой исландской распри обрисована У. Шортом достаточно ясно. Хотя хотелось бы высказать некоторые замечания.

На мой взгляд, суждение У. Шорта о мирном характере древнеисландского общества спорно. Масштабы насилия в каждом конкретном случае определялись характером конкретной распри, и делать односторонние обобщения о превалировании мести или заключения мира с выплатой возмещения, как мне представляется, рискованно.

Ученый выдвигает ценную мысль — раздробленность древнескандинавского общества на патрилокальные расширенные семьи, вполне экономически самостоятельные субъекты права, действительно позволяла избежать жестокого, без надежды на мировую столкновения гораздо более крупных коллективов родичей при осуществлении кровной мести, как это зачастую имело место в других обществах, где также был принят обычай кровной мести, но общество состояло из гораздо более многочисленных конгломератов семей или «родов». На это также справедливо обратил внимание Джесси Байок [Байок 2012: 337–356].

После краткого введения в проблематику социальных взаимодействий в древнеисландском обществе перейдем к более внимательному рассмотрению этих определяющих жизнь древнескандинавского общества правовых отношений, как позволяют нам подробные описания саг об исландцах.

3.2. Исландские родовые саги как исторический источник

Как специалист по материальной культуре древних скандинавов отмечу, что в исландских родовых сагах легко опознать реалии материальной культуры эпохи викингов. Так, в «Саге о Ньяле» (19 наиболее старых списков датируются 1300–1550 гг.) в повествовании о сожжении семьи Ньяля сказано, что когда из горящего хутора, прикрывшись женской накидкой, ускользнул сын Ньяля Хельги, то он, защищаясь от дружинников Флоси, отрубает одному из них низ щита вместе с ногой. Для обозначения низа щита используется слово, означающее рыбий хвост: «*hann hafði haft sverð undir hendi sér ok hjó til mannz ok kom l skjöldinn ok af sporðinn ok fótinn af mannum. Þá kom Flosi at ok hjó á hals Helga, svá at þegar tók af höfuðit*» [Стеблин-Каменский 2002: 203] — «У него под рукою был меч, и он рубанул человека, и меч вошел в щит и отрубил хвост щита (sporðr, с суффиксированным артиклем -inn — “хвост рыбы, низ щита” [Стеблин-Каменский 2002: 264]) — и ногу человека. Тогда подошел Флоси и рубанул Хельги по шее так, что отлетела голова» (перевод мой. — И.Г.). Таким образом, следует думать, что здесь речь идет о большом миндалевидном щите, получившем широкое распространение как раз в XI столетии. Воины с такими щитами показаны на гобелене из Байо, изображающем битву при Гастингсе [Rud 1994: 82–83].

В «Саге о людях с Песчаного берега» описывается богато украшенное серебром навершие меча Стейнтора, который у него был в мелком родовом столкновении на мысе Снежной горы в Западных фьордах Исландии или, как это событие громко называет сага, битве при Лебедином фьорде (997 г.), причем подчеркивается устный характер информации (см. приложение).

Как повествует сага, «*ok er svá frá sagt*» — «говорят», что «*hjöltin váru hvít fyrir silfri, ok vafiðr silfri meðalkaflinn ok gyldar listur á*» — «навершие (то есть части составного навершия меча) те были обделаны (букв. «побелены») серебром, и обвита серебром рукоять та, и [были] золотые пластины на [ней]». Не следует

путать древнеисландские слова для обозначения навершия меча — *hjolt* — и для именованя рукояти — *meðalkaflí*, как это сделано в общем превосходном переводе саги А.В. Циммерлинга [An Icelandic-English dictionary 1957]).

Таким образом, в саге дано описание типичного оружия эпохи викингов, то есть франкского, каролингского по происхождению меча с составным навершием. Такие мечи как в Норвегии эпохи викингов, так и в Восточной Европе того времени (IX–XI вв.), судя по археологическим данным, были массовым материалом. Для некоторых особо роскошных типов таких мечей было характерно обвитие рукояти серебряной проволокой и покрытие навершия и перекрестия серебряными пластинами, орнаментированными в зверином стиле [Петерсен 2005: 43–45]. Судя по всему, у Стейнтора был меч типа S, который по Яну Петерсену датируется как раз второй половиной X в., что совпадает с временем битвы при Лебедином фьорде, которая здесь описывается (997 г. н.э.). Классик скандинавской археологии описывает меч типа S следующим образом:

«Для него столь же характерны утолщенная центральная часть головки навершия и прямые перекрестья, расширяющиеся на концах <...> Рукояти типа S снова становятся массивными и тяжелыми, подобно ранним типам первой половины IX в. Основные наиболее характерные черты этого типа — утолщенная, почти шаровидная центральная часть головки навершия и выпуклые, не имеющие ребра стороны перекрестий <...> Навершие трехчастное, с крупной центральной частью и более низкими и меньшими по размеру крайними частями. На центральной части головки навершия также могут быть канавки или уступы, отчего она может показаться пятичастной. Детали рукояти подлинного типа S всегда покрыты орнаментированными серебряными пластинами <...> Орнамент всегда изысканный — не в виде простых вертикальных полосок, а плетеный или даже в зверином стиле. На многих мечах на торцевых сторонах перекрестий сохранились тонкие серебряные пластины с более простым геометрическим узором. Все клинки, которые можно определить, двулезвийные; 3 из них с клеймом *Ulfberht* <...> На рукояти одного меча сохранилась обмотка из серебряной про-

локи (С22138а из Вестерхауга, Лётен (Хедмарк). Аналогичная известна только на трех мечах типа Z [мечи типа Z более характерны для Восточной Европы. — И.Г.] <...> При датировании мечей типа S следует обратить внимание на то, что в комплексах отсутствуют категории вооружения, характерные для IX в. <...> Однако два топора типа L позволяют датировать тип второй половиной X в. Уверен, что к этому же времени относится топор типа M из того же комплекса, что и наконечник копья с гранями на втулке <...> “Погремушки” из двух комплексов относятся не к самым поздним типам, но к позднему главному типу <...> Я нашел один меч типа S и в Англии. На рукояти меча, очевидно, найденного в Темзе, сохранилась обмотка из серебряной проволоки, аналогичная обмотке двух норвежских мечей <...> И наконец, меч этого типа известен в Исландии, где найден в комплексе с копьем и топором типа K. Интересно, что данная находка подтверждает, что здесь этот тип не относится к раннему периоду эпохи викингов» [Петерсен 2005: 173–178].

Впрочем, в сагах имеются и явные анахронизмы. К таковым, например, можно отнести упоминание в *Egs* огромного топора Грима Лысого (начало X в.), напоминающего позднесредневековые алебарды XIV–XV вв.

Формулы клятвы Мёрда, предваряющей тяжбу, в «Саге о Ньяле» в точности совпадают с архаичной клятвой на священном кольце годи, предварявшей тяжбу в дохристианские времена согласно «Законам Ульвльота» по тексту, зафиксированному в «Книге о взятии земли» Ари Торгильссона (см. приложение, с. 190). Это сильный аргумент в пользу исторической достоверности уникального подробного описания тяжбы в «Саге о Ньяле», в котором приводятся юридические формулы, которые должен был произносить истец, свидетели-соседи и сторона ответчика.

Однако главным аргументом в пользу исторической достоверности социальных отношений, описанных в исландских родовых сагах, по моему мнению, является сохранение вплоть до эпохи записи саг традиционного характера конфликтов коллективов родичей и способов их урегулирования, что очень хорошо видно по «Саге об Исландцах» Снорри Тордарсона.

Таким образом, в текстах классических родовых исландских саг представлены как социальные, так и материальные реалии как времени записи саг, когда продолжал играть ведущую роль долг кровной мести, так и времени описываемых событий.

3.3. Взаимоотношения годи и их тинговых в микрорегионе Исландии в конце X в. н.э. Покровительство годи, справедливость и закон, борьба за имущество

Ни одно общество не обходится без властных структур и систем перераспределения власти, без соответствующих ценностей. В случае догосударственных обществ анализ этих феноменов невозможно провести на материале общества в целом наблюдая последнее, мы можем быть жертвой иллюзии, будто имеем дело с обществом равных, когда на самом деле речь идет лишь об отсутствии централизованной универсальной политической иерархии. Для адекватного анализа в таких ситуациях требуется изучать структуры масштабом поменьше и задачей становится определить крупнейшую общественную единицу, которая в действительности осуществляет принятие решений (или же некую группу, отличающуюся единством в рамках такой единицы).

Роберт Левин.

*«Интернализация политических ценностей
в догосударственных обществах»*

Несмотря на равенство исландцев согласно древнегерманскому праву, никто не мог добиться успеха в тяжбе без помощи влиятельных вождей-жрецов — древнеисландских *годи*. Годи не только содержали храм (он же — пиршественный зал, приложение, с. 205–207), не только помогали своим тинговым и союзникам при ведении тяжб и выражали свое согласие на назначение судей,

не только ездили со своими тинговыми на народное собрание, но и конкурировали между собою за сферы влияния и при случае могли, с согласия своих клиентов, присваивать себе хуторскую недвижимость в округе. Все это подробнейшим образом показано в главах 30–31 «Саги о людях с Песчаного берега» [Буоск 1982: 152–154; Miller 1984; Байок 2012: 165–190]. Эта сага, вероятно, является самым ценным источником о годи и их функциях.

Упоминаемые в рассматриваемом эпизоде саги участки хуторов вольноотпущенников Эрлюга и Ульвара и хутора годи Арнкеля конца X в. хорошо прослеживаются на археологических раскопках [Thórðarson 1932]. Хотя не очень корректно привлекать для анализа юридической обоснованности действий упоминаемых тут персонажей гораздо более поздний исландский свод законов «Серый Гусь» (XII–XIII вв.), как это сделано у Д. Байока и А.В. Циммерлинга [Байок 2012: 167, 173–176, 180, 182–183; Исландские саги 2004, 2: 307], практика саги вполне согласуется с нормами «Серого Гуся» (например, претензии сыновей Торбранда на имущество своих вольноотпущенников были вполне правомерны, см.: [Ingvarsson 1970: 316; Nastrup 1985]).

На мой взгляд, Д. Байок достаточно тенденциозно пересказывает эту историю. В саге действительно рассказывается о соперничестве двух годи, Арнкеля и Снорри Годи, но годи Арнкель все не выглядит таким презирающим общество нарушителем норм умеренности, захватывающим собственность бондов, а проявивший изрядное коварство и точно выбравший время для устранения соперника Снорри Годи не кажется умеренным блюстителем законных прав бондов.

Единственный действительно отрицательный персонаж тут — Торольв Скрюченная Нога — бывший свирепый викинг, превратившийся в эгоистичного, злобного и склочного старика, падкого на чужое добро. Он притесняет Ульвара, рачительного хозяина, являющегося вольноотпущенником живущих недалеко сыновей Торбранда. Сначала Торольв крадет сено Ульвара, черной неблагодарностью отплатив ему за добрый хозяйственный совет, а затем его рабы поджигают хутор Ульвара (поджог не удал-

ся, поджигатели были схвачены и повешены людьми Арнкеля) и последний был вынужден обратиться за помощью к сыну Торольва, годи Арнкелю, стать его клиентом и передать ему право на свой участок (приложение, с. 138–141). Вопреки Байоку, можно сказать, что Арнкель поступил благородно, взяв под свое покровительство Ульвара. Конечно, он не мог сделать это бескорыстно. Ульвар передал своему покровителю годи право на свою землю, а после смерти своего брата Эрлюга — также права и на его хозяйство. Конечно, Арнкель не вполне законно, но по договоренности с Ульваром присвоил себе хозяйство Ульвара после его убийства по наущению Торольва, потому что сыновья Торбранда действительно имели преимущественное право наследовать своему вольноотпущеннику, но Арнкель просто выполнял условия договоренности со своим клиентом.

В свою очередь, на Снорри Годи сперва вовсе не действовали подстрекательства злобного Торольва против своего сына Арнкеля, а также увещевания сыновей Торбранда, стремившихся вернуть себе землю своих вольноотпущенников. Только когда Торольв, желая привлечь на свою сторону могущественного годи со Священной горы, чтобы насолить в то время не менее влиятельному своему сыну Арнкелю, передает Снорри Годи право на ценнейший в округе, еще не сведенный к концу X столетия лес Вороньего мыса, начинается противостояние Снорри Годи и Арнкеля. Однако следует думать, что вначале Снорри выступил на стороне Торольва. Скрюченная Нога формально, так как на тинге никакая вира Арнкелю за убийство поджигателей — рабов Торольва — так и не была назначена. Поэтому Торольв был очень недоволен «заступничеством» Снорри Годи (приложение, с. 141–145).

Когда умирает брат Ульвара Эрлюг, его хозяйство, Дворы Эрлюга, Ульвар передает своему покровителю годи Арнкелю в обмен прав своих бывших хозяев, сыновей Торбранда. Сыновья Торбранда жалуются Снорри Годи, но получают отказ (приложение, с. 146–147).

Злобный Торольв Скрюченная Нога никак не может успокоиться, и подосланный им наемный убийца Гильс Ведун убивает

Ульвара. Люди Арнкеля настигают Гильса Ведуна и приканчивают его, а отношения Арнкеля со своим отцом Торольвом еще более ухудшаются. Арнкель забирает себе хутор Ульвара, который тот завещал ему, а сыновья Торбранда опять получают отказ на просьбу о покровительстве Снорри Годи: осторожный и расчетливый Снорри упорно не хочет ссориться из-за чужих имущественных интересов с годи Арнкелем (приложение, с. 147–151).

Логично, что реальное противостояние Снорри Годи и годи Арнкеля начинается вследствие прямого столкновения их имущественных интересов уже после смерти Торольва Скрюченная Нога (приложение, с. 151–153), когда лес Вороньего мыса реально перешел в полное распоряжение Снорри Годи. Причем тут Снорри действует достаточно бесцеремонно, а его «проводатый» (*fylgðarmaðr*) Хаук (Крюк) первым нападает на Арнкеля, который отражает нападение и сражает Хаука, и в тяжбе об убийстве этого раба правым на тинге вполне резонно признается Арнкель, который в данном случае защищался (приложение, с. 153–155).

Очень похоже, что пытавшийся убить Арнкеля преступник по имени Торлейв, которому не дал приюта Снорри, был подослан именно им как наемный убийца (приложение, с. 155–157).

Наконец, подстрекательство Торлейва Кимби, одного из сыновей Торбранда, на пиру действует, и Снорри Годи дает сыновьям Торбранда добро на убийство Арнкеля. Арнкель доблестно пал зимой на сеновале, защищаясь от многочисленных врагов. Ему дается положительная посмертная характеристика. Правда, убийцы Арнкеля не понесли сурового наказания, вероятно, как благодаря казуистическому искусству Снорри Годи, так и тому обстоятельству, которое подробно комментируется в саге — стороной истца здесь выступают только женщины, что было признано по этому прецеденту недопустимой практикой (приложение, с. 157–164).

Как бы то ни было, история соперничества Арнкеля и Снорри ясно показывает, что юридическое равенство, наличествующее в древнескандинавском обществе, отнюдь не означало равенства фактического. Бондам невозможно было добиться успеха в реше-

нии их споров без помощи могущественных вождей-жрецов — годи. Сами годи активно использовали свое влияние, в частности дабы заполучить имущество своих клиентов. Известно, что впоследствии, в XIII в., концентрация земельной собственности в руках годи фактически сделало древнеисландское тинговое народоправство формальностью. Далее, неприязненные взаимоотношения Арнкеля и его отца Торольва показывают, что зачастую взаимоотношения годи и их тинговых, а также годи между собою выходили на первый план, затеняя долг кровного родства. Также из этого эпизода видно, что вольноотпущенники, бывшие рабы-трэли, мало в чем уступали по статусу обычным исландским бондам и вполне могли быть крепкими хозяйственниками, такими как Ульвар.

3.4. Долг кровной мести и его определяющие следствия для общественной психологии древних исландцев

Издrevле обычай кровной мести был священным долгом мужчины и воина, и даже вскоре после принятия христианства на альтинге подобное представление сохранялось в обществе, как свидетельствует 106 глава «Саги о Ньяле». Здесь слепому юноше Амунди Бог временно дарует зрение, чтобы тот мог отомстить за своего отца, убив своего кровного врага Лютинга, который насмехается над ним (приложение, с. 164–166).

В «Саге о людях с Песчаного берега» рассказывается, как воин Стюр в битве при Лебедином фьорде (997 г. н.э.), отважно сражаясь, сначала убил человека в противостоящем отряде, но затем, когда вождь вражеской дружины Снорри Годи попрекнул его за несовершенство долга кровной мести в отношении Стейнтора — его родича, в дружине которого Стюр и сражается, Стюр примыкает к дружине Снорри Годи и убивает человека из дружины Стейнтора! Таким образом, долг кровной мести стоял выше воинской дисциплины и верности военному вождю (приложение, с. 167–172).

Противостоящие дружины рассказчик саги воспринимает как аналоги враждующих коллективов родичей, этих основных

субъектов архаического права, потому личности убитых Стюром людей не важны, они даже не упоминаются по именам. Важна эквивалентная плата кровью.

Мужчина мстит, а защищенная законом женщина подстрекает к мести. Такова главная, отнюдь не романтическая роль женщины в сагах (о подстрекательстве к мести см.: [Jakobsson 1998a: 17–19; Vuock 1982: 87–90; Байок 2012: 301–313; Губанов 2004: 25–27]). Поведение подстрекательницы обеспечивалось ее защищенностью в ходе распри, так как женщин и детей нельзя было убивать, в отличие от мужчин [Jakobsson 1998b].

Выразительно подстрекательство Хильдигуд к мести своего родича Флоси из «Саги о Ньяле». Это происходило вскоре после принятия христианства в 1000 г., и Хильдигуд под угрозой общественного остракизма закликает Флоси отомстить за своего родича Хёскульда, убитого сыновьями Ньяля после пустяковой ссоры. Флоси, понимая гибельность междуусобицы, изменился в лице, однако угроза общественного поношения заставляет его приняться за вербовку союзников для осуществления кровной мести (приложение, с. 172–174).

Предполагаю, что обычай накидывания окровавленных одежд убитого на мстителя при подстрекательстве женщины к мести был очень важным ритуалом в древнескандинавском обществе. Память о нем сохранила живая песенная традиция фарерской баллады — через тысячу лет после его бытования (приложение, с. 175)!

Подстрекая к мести, служанка Хравнкеля, жреца Фрейра и годи на востоке Исландии, призывает его напасть на родича его кровного врага Сама, которого звали Эйвинд, хотя тот не имел отношения к распре и приехал в Исландию после многих лет отсутствия. При этом она нахваливает его статный облик и вооружение, например блестящий щит, и использует для его характеристики слово *menntg*, которое означает человека видного, ладного, выдающегося [Губанов 2004: 26].

Для замирения враждующих семей использовали передачу ребенка в качестве заложника. Приемный отец был обязан любить

мальчика и заботиться о его воспитании (в «Саге о Ньяле» мудрый провидец Ньяль берет на воспитание мальчика Хёскульда, который так нелепо погиб от рук его сыновей впоследствии, когда вырос) [Губанов 2004: 30–32].

3.5. Судебная тяжба на народном собрании в Исландии



Рис. 1. Карта Исландии с указанием мест тингов

Судебная процедура на тинге подробно описывается в «Саге о Ньяле». При этом часто применялась процедура делегирования противостоящими коллективами родичей своих союзников в коллегию третейских судей, состоящую из 12 человек (о третейских судьях см.: [Heusler 1911: 40–41, 73–95; Heusler 1912: 43–58; Ingvarsson 1970: 319–380; Miller 1984; Wyock 1982: 102–106, 260–265]).

Подобный процесс описан в 122 главе «Саги о Ньяле». Однако, несмотря на усилия третейских судей, обмен издевательскими речами между сыном Ньяля Скарпхеდიном и Флоси приводит к срыву переговоров (приложение, с. 175–182).

После убийства семьи Ньяля (в 1010 или 1011 г.) проходит ряд тингов, региональных и общеисландских, на которых иск предъявляют родичи Ньяля, заручившись поддержкой людей Западных фьордов, а Флоси защищают люди Восточных фьордов. Кровник за Ньяля Мёрд договорился с известным толкователем законов Торхалем, сыном Асгрима, а Флоси поступил незачинно с точки зрения древнеисландской морали — он подкупил известного беспринципного крючкотвора Эйольва. От борьбы между этими знаками традиционного права зависел исход тяжбы.

В главе 142 «Саги о Ньяле» детально описывается процедура ведения тяжбы на тинге «по законам все-войска» (at allsherjar lögum), то есть вооруженного, по древнегерманскому обычаю, народа. Сторона истца, используя одинаковую терминологию, дважды предъявляла обвинение, затем два свидетеля предъявления обвинения (lýsingarvottar) слово в слово повторяли обвинения истца. Представлялись соседи места убийства (vettvangsbúar) — девять человек, которые выносили предварительный приговор. Наконец, три дюжины судей (dómendur) [Jóhannesson 1974: 66; Benediktsson 1974a: 180] выносили окончательный приговор по рассматриваемому на тинге делу об убийстве (приложение, с. 183–190).

Насколько можно доверять столь подробному описанию тяжбы сторон в «Саге о Ньяле»? Насколько отвечали реальности приведенные в саге юридические формулы обвинения, клятв соседей-свидетелей и речей истца?

Здесь в первую очередь следует сравнить текст юридической клятвы Мёрда (параграф 12) с сохранившейся в книге о первопоселенцах в Исландии, в «Книге о взятии земли» (о текстологии «Книги о взятии земли» см.: [Jóhannesson 1941; Rafnsson 1974: 13–67]; критику конкретных сведений «Книги о взятии земли» см.: [Bekker-Nielsen 1965: 35–4; Rafnsson 1974]; возражения критикам см.: [Benediktsson 1974b; Benediktsson 1969]), текстом древней дохристианской юридической клятвы на священном наружном кольце — браслете годи, которую привез, наряду с другими неписаными юридическими нормами, незадолго до учреждения альтинга около 930 г.н.э. в Исландию из Норвегии Ульвльот.

Эти первые, не сохранившиеся в полном объеме законы называют «Законами Ульвльота» (критическую точку зрения касательно древности «Законов Ульвльота» и норвежских «Законов Гулатинга», якобы взятых Ульвльотом за основу, см.: [Lindal 1969]).

Текстуально формулы клятвы истца Мёрда и формулы архаической клятвы на священном кольце «Законов Ульвльота» по тексту «Книги взятия земли» совпадают, за исключением того, что на место окропленного кровью жертвенных животных священного кольца годи положена Библия. Этот факт делает вероятным истинность текста подробнейшего описания процедуры тяжбы в целом, приведенного в «Саге о Ньяле», как традиции, идущей из глубины веков (приложение, с. 190).

Крюкотвор Эйольв сумел так запутать дело формальными придрками (имевшими, однако, в глазах древнеисландского общества большой вес), что стало невозможно добиться справедливости. Он обманом добился того, что сторона Мёрда вывела из состава коллегии судей шесть членов, чего не сделала сторона Флоси, в результате чего у коллегии судей оказался неправомочный численный состав. Таким образом, сторона кровников Ньяля проиграла иск. На тинге произошла крупная битва между людьми Западных и Восточных фьордов (в 1011 или 1012 г.). В битве люди Флоси потерпели поражение, и собравшийся после нее тинг решением 12 третейских судей теперь решил дело уже в пользу Мёрда и других кровников Ньяля (гл. 145).

Следует отметить что, как правило, противостоящим коллективам родичей удавалось примириться, когда была сполна выплачена подходящая вира. Однако преступник мог быть объявлен человеком вне закона (буков. «лесным человеком», то есть изгнанником). Это происходило, во-первых, если не была достигнута договоренность о приемлемой для кровников вине и, во-вторых, если было совершено слишком тяжкое по меркам архаического общества преступление (например, убийство близкого родича или женщины, которое не искупалось никакой вирой).

Вероятно, корни древнеисландских судебных процедур следует искать в глубинах архаики. Об этом говорит, в частности,

описание суда по древнему архаическому способу «суда у дверей» (*duradómr*, процедура которого была сходна с тинговой) с вредоносными восставшими мертвецами, наславшими на людей пагубное колдовство и мор, в гл. 53–55 «Саги о людях с Песчаного берега» (приложение, с. 191–199) (т.н. «чудеса на Вещей реке» в 1000–1001 гг. н.э., разбор этих событий как кровной мести мертвецов см.: [Ólason 1971; Вуокс 1982:131–133]).

3.6. Выводы

На материале саг выявляются следующие черты обычая кровной мести и урегулирования распри в народном собрании (тинге).

1. Чудо с Амунди, которого Бог временно исцелил от слепоты ради совершения мести за отца, указывает на высшую положительную оценку кровной мести, на ее сакрализацию (гл. 106 «Саги о Ньяле»).

2. Стюр, доблестно сражаясь в своей дружине, тем не менее игнорирует подчинение вождю своей дружины, убивает воина из нее ради совершения долга кровной мести (гл. 44 «Саги о людях с Песчаного берега»). Иначе говоря, традиции «горизонтального» взаимодействия равных в правовом отношении коллективов родичей были гораздо сильнее «вертикальных» вожеств, подчинения военному лидеру.

3. Защищенная законом подстрекательница к мести, судя по всему, не литературный образ, а социальная реальность (гл. 116 «Саги о Ньяле» — подстрекательство Хильдигуд). Обряд накидывания женщиной на мстителя окровавленной одежды убитого зафиксирован в фарерских балладах, бытующих в живой устной традиции до нынешнего времени.

Тинг проходил следующим образом:

1. Нередкая практика — формирование тяжущимися коллективами родичей коллегии третейских судей из своих влиятельных союзников (гл. 122–123 «Саги о Ньяле»).

2. Существовала неписаная, но четкая регламентация процедуры ведения тяжбы на тинге. После идущей с дохристианских времен и первоначально произносившейся на священном брас-

лете-кольце годи клятвы истца следовало предъявление иска истцом или его представителем, это делалось дважды, потом свидетели предъявления обвинения слово в слово вновь излагали дело. Затем соседи (места убийства), числом девять, не будучи родичами истца или зависимыми от него людьми, выносили предварительное решение по делу. Коллегия из трех дюжин судей (отвода отдельных членов которой могла потребовать сторона защиты, то есть сам обвиняемый, его родичи и сторонники (гл. 142–145 «Саги о Ньяле») выносила окончательный приговор (если это не был суд из 12 третейских судей).

3. Основным средством урегулирования распри было присуждение и выплата возмещения, которое должны были выплатить убийца и его родня (12 эйриров за раба-трэля, за свободного человека выкуп мог достигать нескольких сот эйриров, как за Хёскульда в «Саге о Ньяле»). В случае срыва договоренности или особой тяжести содеянного (убийства женщины или близкого родича) обвиняемый мог лишиться покровительства закона (стать изгнанником, «лесным человеком»), и в таком случае преступник мог быть безнаказанно убит, а его имущество могло быть конфисковано (гл. 13 «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра»).